

Т.В. Барсов

Заметка об ученых трудах
преосвященного Иоанна

Опубликовано:
Христианское чтение. 1869. № 4. С. 639-654.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

ЗАМѢТКА

ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЮАННА,

БЫВШАГО ЕПИСКОПОМЪ СМОЛЕНСКИМЪ, А ПРЕЖДЕ РЕКТОРОМЪ С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ Слово Божіе (Евр. XIII. 7).

При утратѣ лица, замѣчательнаго въ какомъ либо отношеніи, въ людяхъ, знавшихъ его и находившихся въ общеніи съ нимъ, естественно рождается непритворное желаніе—возобновить для собственнаго чувства и сознанія, а вмѣстѣ и подѣлиться съ другими воспоминаніемъ и размышленіемъ объ его личности, общественномъ положеніи, публичныхъ и частныхъ занятіяхъ, самомъ образѣ жизни и. т. п. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ сторонъ обыкновенно сближаетъ насъ съ отшедшимъ, знакомитъ съ его умомъ, характеромъ, общимъ нравственнымъ настроеніемъ, и, въ то же самое время, способствуетъ къ разпознанію тѣхъ условій, подъ которыми обыкновенно проходитъ жизнь человѣка, тѣхъ средствъ, которыми онъ бываетъ призванъ дѣйствовать. Могутъ быть и другія побужденія для подобнаго воспоминанія и размышленія. А именно, если общая ис-

торія человѣчества обыкновенно изучается по частнымъ, знаменательнымъ ея эпохамъ и даже отдѣльнымъ событіямъ; то и общая канва идей, чувствъ и стремленій человѣческой жизни правильнѣе можетъ быть понята и очерчена по проявленіямъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, по единичнымъ ихъ планамъ и намѣреніямъ. Съ своей стороны мы держимся того убѣжденія, во всей его цѣлости, что извѣстная среда, въ которой человѣкъ бываетъ поставленъ служить и дѣйствовать, чувствительно вліяетъ на образованіе его нравственнаго строя, на развитіе и обнаруженіе внутреннихъ силъ и задатковъ его личности; равнымъ образомъ и самъ человѣкъ,—особенно если онъ, при духовныхъ отличіяхъ его природы, пользуется и правомъ общественнаго значенія,—обладаетъ нужными средствами и имѣетъ всю возможность къ тому, чтобъ не всегда страдательно только соподчиняться давленію среды, а вмѣстѣ и самодѣтельно вліять и воздѣйствовать на раскрытіе ея собственныхъ нуждъ, на уясненіе ея непосредственныхъ цѣлей. Отсюда между такими людьми и окружающею ихъ средою устанавливаются самыя тѣсныя, взаимныя соотношенія и сочувствія: среда живо ощущаетъ въ себѣ указанія дѣйственной руки этихъ людей, въ свою очередь и эти люди мгновенно распознаютъ свойство намѣреній и стремленій среды...

Имѣла ли что нибудь общаго съ подобными людьми та личность,—о которой у насъ будетъ рѣчь,—это пусть рѣшаютъ лица, находившіяся въ общеніи съ нею больше насъ, стоявшія вообще ближе къ ея распоряженіямъ, а потому и лучше насъ могшія узнать ея качества. Мы знаемъ, и не стѣсняемъ передъ каждымъ сказать, что личность преосвященнаго Іоанна замѣчательна—

какъ по особенностямъ ея характера, такъ и рѣдкимъ дарованіямъ ея ума. Но изображеніе характера обыкновенно бываетъ главнымъ въ некрологѣ какого либо общественнаго, историческаго дѣателя; между тѣмъ раскрытіе чертъ ума идетъ больше къ предмету воспоминаній о человѣкѣ кабинетной жизни, посвятившемъ свои силы ученой и учебной дѣятельности. А такимъ на самомъ дѣлѣ мы и знаемъ преосвященнаго. Какъ человѣкъ дѣйствительно замѣчательнаго ума, онъ во все время своей ученой дѣятельности, за исключеніемъ съ небольшимъ двухъ лѣтъ, неся служебныя обязанности при однѣхъ академіяхъ—больше С.-Петербургской и Казанской (1), при той и другой памятникомъ своихъ умственныхъ занятій онъ оставилъ не мало печатныхъ трудовъ, заслуживающихъ полнаго вниманія. На эти собственно труды мы и устремляемъ наше вниманіе, руководясь особымъ побужденіемъ, какъ поставленные, по согласію Его Преосвященства, служить той же богословской спеціальности, которой всю свою дѣятельность посвятилъ онъ самъ.

(1) Вотъ въ короткихъ и общихъ чертахъ послужной списокъ преосвященнаго. По окончаніи въ 1842 году курса въ Московской духовной академіи, онъ былъ оставленъ при той же академіи бакалавромъ по классу нравственнаго богословія. Но въ 1844 году уже былъ перемѣщенъ въ С.-Петербургскую духовную академію на классъ церковнаго законовѣденія. На службѣ при этой академіи онъ состоялъ до 1855 года, когда опредѣленіемъ св. синода былъ назначенъ ректоромъ и профессоромъ С.-Петербургской духовной семинаріи. Въ 1857 г. опредѣленіемъ того же св. синода перемѣщенъ въ Казанскую духовную академію ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ, гдѣ и состоялъ до 1864 года, пока не былъ опредѣленъ на ту же должность ректора С.-Петербургской духовной академіи; на этой же должности въ 1865 году былъ рукоположенъ во епископа выборгскаго, викарія С.-Петербургской епархіи; но въ 1866 году былъ назначенъ епископомъ Смоленскимъ и Дорогобужскимъ; въ этомъ званіи и скончался съ 16 на 17-е марта сего года.

Такою спеціальностію, какъ извѣстно, служила разработка предметовъ и вопросовъ науки православнаго церковнаго Законоуѣденія. Въ ряду всѣхъ произведеній его пера, посвященныхъ сему предмету, первое мѣсто по объему и достоинству самаго труда, занимаетъ его — „Опытъ Курса Церковнаго Законоуѣденія“, изданный въ С.-Петербургѣ 1851 года въ двухъ объемистыхъ выпускахъ, изъ коихъ каждый заключаетъ свыше 500 страницъ. Объ ученыхъ достоинствахъ сего труда ясно и громко говоритъ уже то самое, что авторъ удостоенъ за нихъ высшей ученой степени и званія Доктора Богословія. Кто знаетъ, какими необычайными рожденіями человѣческаго ума обыкновенно достигается эта степень въ средѣ лицъ нашей богословской учености, какъ крайне скудно число лицъ, удостоенныхъ званія Доктора Богословія: тотъ уже по одному этому пойметъ и заключить о силѣ и талантливости дарованій автора, предугадастъ и ученое достоинство настоящаго труда. Совсѣмъ не съ намѣреніемъ произносить свой судъ надъ этимъ трудомъ, который задолго до насъ справедливо и достойно оцѣненъ знатоками дѣла — а единственно, по уваженію къ ученой памяти его составителя, какъ перваго въ наши дни, отечественнаго и замѣчательнаго церковнаго законоуѣда, — позволяемъ себѣ сказать нѣсколько откровенныхъ словъ и замѣчаній.

Означенный трудъ преосвященнаго Іоанна состоитъ исключительно въ изложеніи толкованій на смыслъ и примѣненіе церковныхъ правилъ, преданныхъ отъ апостоловъ, законоположенныхъ соборами, предложенныхъ частными пастырями и принятыхъ всею церковію — для всегдашняго ея руководства и неизмѣннаго храненія. Всему своему труду авторъ предпослалъ особенное, до-

вольно пространное введенеіе, которое занимается раскрытіемъ общихъ вопросовъ, казавшихся автору нужными для составленія полнаго сочиненія. Эти вопросы, къ общему ихъ смыслу, касаются основныхъ правъ и законовъ Христовой церкви, характера и образа построенія самой науки церковнаго законовѣденія, также постепеннаго образованія и начальнаго способа дѣйствованія церковнаго законодательства въ древней вселенской церкви, а вмѣстѣ съ этимъ самыхъ сборниковъ и ученой разработки этого законодательства. Каждому отдѣлу правилъ сочинителемъ предпослано особое частное введенеіе, объясняющее вкраткѣ причины и время происхожденія этихъ правилъ а вмѣстѣ съ тѣмъ и общее ихъ содержаніе. Что сдѣлано достойнымъ всякаго уваженія авторомъ, то, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго одобренія и не требуетъ новыхъ опытовъ труда въ томъ же духѣ и направленіи. Своему опыту церковнаго законовѣденія авторъ придаетъ значеніе общаго введенія въ полную систему права, раскрывающаго глубочайшія основанія и подлинный духъ управленія католической церкви (см. предисловіе стр. 5). Не думая спорить противъ подобнаго заявленія со стороны самаго автора, мы тѣмъ не менѣе позволяемъ себѣ замѣтить, что означенный „Опытъ“ въ его содержаніи представляетъ болѣе предуготовительную разработку собственно матеріала права, заключеннаго въ одномъ главномъ его источникѣ, т. е., принятомъ и утвержденномъ церковію канонѣ правилъ. Это—настоящая, справочная книга для занимающагося изученіемъ церковнаго права, необходимая при разпознаваніи и уясненіи смысла каждаго церковнаго правила въ его отдѣльности, поставленнаго впрочемъ въ связь

съ другими соотвѣтственными по предмету содержанія правилами и съ общими цѣлями церковнаго законодательства. „Опытъ“ не намѣренъ прямо знакомить каждаго читателя съ обстоятельнымъ, систематическимъ раскрытіемъ частныхъ вопросовъ права, но тѣмъ не менѣе даетъ отрывочныя, разбросанныя, но опредѣленныя и основательныя свѣдѣнія, облегчающія трудноваго изслѣдованія, и указывающія въ авторѣ истинное дарованіе. Вся невыгода дѣла въ томъ, что на обязанности и вниманіи самаго читающаго и изучающаго требованія права лежитъ то, чтобы собрать, понять и объединить данныя на раскрытіе искомаго предмета. А потому, только послѣ внимательнаго и напряженнаго чтенія, только по тщательномъ, самостоятельномъ соображеніи разбросаннаго матеріала, словомъ только по изученіи книги, а не при одномъ бѣгломъ знакомствѣ съ нею можно разпознать и войти во вкусъ ея несомнѣнныхъ достоинствъ, и составить для самаго себя обстоятельное и правое объ ней понятіе. Авторъ не поражаетъ ни множествомъ ученыхъ цитатовъ, ни особенностями своей рѣчи, но повсюду говоритъ ровно и спокойно, раскрываетъ предметы полно и обстоятельно. Весь внѣшній недостатокъ сочиненія, на нашъ взглядъ, состоитъ въ частыхъ повтореніяхъ, утомительныхъ и скучныхъ для чтенія, въ монотонности и однообразіи изложенія; но и этотъ недостатокъ зависѣлъ отъ принятой авторомъ задачи истолковать въ отдѣльности смыслъ каждаго церковнаго правила, а не раскрывать въ системѣ вопросовъ права на основаніи его требованій. Самая метода изложенія, созданная именно этою задачею, какъ бы скрадываетъ и прачетъ свѣденія отъ ищущаго ихъ, затемняетъ и ступшевываетъ самыя до-

стоинства труда. Кажется мы не ошибемся въ назнаніи подлинной причины подобнаго явленія, если скажемъ, что при совершенномъ отсутствіи всякой серьезной, обстоятельной разработки права отечественными изслѣдователями, нашему автору, какъ первому предпринявшему свой ученый трудъ, пришлось не только по заимствоваться матеріаломъ у иностраннхъ, мы хотимъ сказать, греческихъ законовѣдовъ и толкователей церковныхъ: Вальсамона, Зонара, и Аристена (1), но вмѣстѣ съ матеріаломъ занять у нихъ самую методу и образъ изложенія. Тѣмъ болѣе, что при подобной методѣ и образѣ изложенія легко въ одно и то же время казаться ученымъ и быть ученикомъ, можно изучить предметъ для самаго себя и съ успѣхомъ предлагать его вниманію другихъ. Такая повидимому неестественная перестановка и спутанность такихъ понятій, изъ которыхъ одно заступаетъ мѣсто основнаго положенія для другаго, а другое является непосредственнымъ выводомъ изъ перваго, очень часто, сплошь и рядомъ повторяется на практикѣ со всѣми того рода писателями и учеными, которые, не имѣя даже опредѣленнаго взгляда на занимающій ихъ предметъ, берутся между тѣмъ за письменное его изложеніе, за печатное обсужденіе. Очевидно, нашъ авторъ не имѣетъ ничего общаго съ подобными лицами; его несомнѣнныя дарованія—лучшая въ настоящемъ случаѣ апологія и порука. Но и онъ также, по нашему мнѣнію, былъ вынужденъ прибѣгнуть именно къ означенной методѣ изложенія и предпринять такой, а не иной трудъ, хотя совсѣмъ по другимъ причинамъ и побужденіямъ. Всѣмъ этимъ онъ

(1) Замѣчаніе объ ихъ трудахъ смотри въ разбираемомъ нами опытѣ, стр. 99—103, т. I.

съ одной стороны спасалъ самаго себя, свои дарованія, а съ другой—щадилъ и высокій авторитетъ своей науки. И въ самомъ дѣлѣ, если обыкновенно бываетъ щекотливымъ положеніе тѣхъ людей, которыхъ судьба, не соображаясь съ ихъ научною подготовкою, прямо со скамьи слушателя сажаетъ на кафедру преподавателя—высшей науки: то не менѣе можетъ быть загадочна и участь того ученаго, который, при несомнѣнной увѣренности въ своихъ дарованіяхъ, не успѣлъ еще вполне обнять и изучить свой предметъ. Какъ тѣхъ людей мы нисколько не видимъ за ихъ положеніе, а сочувствуемъ имъ и хвалимъ за усердіе и трудолюбіе: такъ и сего послѣдняго нельзя укорять за то, что онъ не утаилъ отъ насъ и собраннаго имъ ученаго богатства.—Систематическое и полное изложеніе вопросовъ науки церковнаго законовѣденія всегда можетъ представлять свои особенныя трудности и опасенія. При эклектическомъ характерѣ этой науки, при сборномъ и крайне разрозненномъ и разбросанномъ ея содержаніи, не только трудно вдругъ и сполна обнять все тѣ вопросы и стороны, которыя необходимо требуются въ систематическомъ ея построеніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ и близка опасность: наговорить такихъ положеній, набросать такихъ выводовъ, которые легко могутъ низпровергать самое достоинство науки и противорѣчить другъ другу. Необозримость съ одной стороны матеріаловъ этой науки, а съ другой и крайняя ихъ неразработанность, а вмѣстѣ и постоянная измѣнчивость содержанія, гдѣ узаконенія послѣдующаго времени отмѣняютъ постановленія предыдущаго, дѣлая ихъ предметомъ исторіи,— все это не только усложняетъ и затрудняетъ подвигъ изученія и знакомства съ содержаніемъ, но вмѣстѣ съ

тѣмъ и построение полной ея системы относить и отодвигаетъ къ будущему—и будущему времени. Даровитый авторъ очевидно вполне и ясно сознавалъ всѣ эти трудности и опасенія, а потому, по свойственному ему благоразумію, онъ и предложилъ свой трудъ на общую пользу въ видѣ опыта, какъ трудъ начальный по содержанию и плану, чтобы имъ дѣйствительно послужить, а не повредить дѣлу и чести науки. „Полная и твердая, говоритъ авторъ, система этой науки не иначе можетъ установиться, какъ послѣ многихъ приуготовительныхъ трудовъ, еще недавно у насъ начатыхъ. Труды эти должны состоять въ тщательномъ изученіи разнообразныхъ источниковъ церковнаго законоположенія, въ разборѣ и приведеніи въ порядокъ матеріаловъ науки, въ опредѣленіи и разграниченіи предметовъ, которые должны входить въ нее, и т. д.“ (см. предисловіе стр. IV—V). А потому, и „Опытъ курса церковнаго законовѣденія“, какъ трудъ приуготовительный, ограничивается тщательнымъ изученіемъ основнаго и главнаго источника церковнаго законовѣденія, т. е. самаго канона церковныхъ правилъ. Съ точки зрѣнія этой его задачи онъ исторгаетъ у насъ къ памяти его автора полную нашу посмертную признательность и благодарность. При посредствѣ сего труда мы знакомимся со многими основными и главными вопросами церковнаго права, узнаемъ подлинный его духъ, смыслъ и цѣли, какъ всѣ они успѣли обозначиться и развиваться въ основныхъ, главныхъ и общихъ его источникахъ. Изъ него мы получаемъ готовыми и достойно обслѣдованными многія данныя, которыя необходимы для достойнаго построенія полной и твердой системы законовѣденія вселенской Христовой церкви. Намъ

казалось бы, что если бы какой-либо труженикъ задалъ себѣ задачу—обстоятельно изучить, ознакомиться и усвоить себѣ все содержаніе разбираемаго нами сочиненія, и изъ добытыхъ и собранныхъ имъ такимъ образомъ свѣдѣній, рѣшился бы создать и построить вѣчто систематическое, цѣлое: то изъ его труда вышло бы дѣльное руководство, достаточный школьный учебникъ, служащій къ познанію правъ и изученію законовъ древней, вселенской церкви. А это развѣ не заслуга предъ нами со стороны способнаго автора?!..

Кромѣ сего обширнаго и полнаго труда, по вопросамъ той же науки православнаго, церковнаго законовѣденія, авторомъ было составлено и предложено любознательному вниманію другихъ множество отдѣльныхъ, также замѣчательныхъ статей, открывающихъ въ составителѣ ихъ неподдѣльное и почтенное дарованіе. Эти статьи главнымъ образомъ были помѣщены въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, издаваемомъ при Казанской Духовной Академіи, за разные годы служенія при ней автора на должности ректора; но не малая часть ихъ была помѣщена также и въ „Христіанскомъ Чтеніи“, когда авторъ состоялъ на ученой службѣ при С.-Петербургской духовной академіи. Статьи, помѣщенные въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, видимо носятъ на себѣ признаки систематическаго и послѣдовательнаго разъясненія вопросовъ церковнаго права (1); статьи „Христіанскаго Чтенія“ не имѣютъ этаго харак-

(1) Между ними стоитъ назвать статьи: „Объ особенныхъ преимуществахъ Православно-Каѳолической Церкви“, объ „управленіи Вселенской Христовой Церкви“, объ „основаніяхъ помѣстнаго управленія православныхъ церквей“, о „вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ“, о „Таинствахъ Церкви“ и пр.

тера (1). Если бы мы и не слышали отъ другихъ: то сами безъ труда могли бы понять, что всё эти статьи, кромѣ статей „о Монашествѣ Епископовъ“, помѣщенныхъ въ первомъ журналѣ и статей „о Свободѣ Совѣсти“ печатавшихся въ „Христіанскомъ Чтеніи“,—представляютъ собою ряды классическихкихъ чтеній, которыя были предложены авторомъ его слушателямъ съ кафедры церковнаго законовѣденія въ С.-Петербургской духовной академіи. Слѣдовательно и разсуждать о достоинствахъ и недостаткахъ этихъ статей должно, не забывая о дѣйствительныхъ побужденіяхъ ихъ составленія. Какъ классическія чтенія, эти статьи и представляются изложенными совершенно въ духѣ старой метода классическаго преподаванія. Какъ та метода обыкновенно требовала отъ преподавателя того, чтобы опредѣленно и ясно указать на дѣйствительныя основанія даннаго предмета, схоластически доказать его правоту и истинность: такъ и эти статьи только канонически раскрываютъ свои вопросы, приводятъ для нихъ основанія изъ правилъ церкви, а гдѣ нужно и законовъ государства, не касаясь ихъ постепеннаго развитія и историческаго разъясненія. Какъ та метода, отличаясь ясностію, опредѣленностію и простотою изложенія, страдала сухостію и не обѣщала привести собою къ всестороннему, полному и обстоятельному изученію предмета; такъ, въ строгомъ соотвѣтствіи съ нею, и статьи нашего автора, при ясности и точности ихъ изложенія, страдаютъ недостаткомъ историческаго анализа, отличаются сухостію. Все ихъ содержаніе вращается по преимуществу около

(1) Между ними заслуживаютъ вниманія: „объ основаніяхъ русскаго церковнаго права“, „церковь и государство“, „церковное законодательство“ и др.

требованій древняго, вселенскаго права, раскрываетъ болѣе общіе предметы управленія церкви, ея благоустройства и дисциплины,—и въ общихъ чертахъ; къ предписаніямъ права мѣстнаго, отечественнаго они обращаются только отчасти и по временамъ. Отсутствие раскрытія правъ и требованій русской, отечественной церкви, составляетъ главный недостатокъ настоящихъ опытовъ автора; онъ какъ бы намѣренно замыкается въ предѣлахъ права одной вселенской церкви. Нѣкоторое, болѣе замѣтное отступленіе отъ общепринятой методы представляютъ собою его статьи „о Монашествѣ Епископовъ“, въ которыхъ авторъ, кромѣ указанія непосредственно каноническихъ данныхъ, касается и историческаго ихъ объясненія и толкованія, затрогиваетъ и взглядъ на этотъ предметъ церкви отечественной и вмѣстѣ отечественнаго права и примѣненія. Сила неумолимой логики, діалектическое проведеніе защищаемаго авторомъ принципа изумительны и безостановочны, раскрытіе догматической и канонической ея сущности поучительно; авторъ сыплетъ перлы его неистощимой, роскошной, художественной мысли. Можно не соглашаться съ его выводами и даже спорить противъ нихъ; но нельзя ли на минуту отвергнуть силы дарованія въ авторѣ, не признать величія за его мыслию. Словомъ, если насъ и не удовлетворяютъ вполне статьи автора ихъ изложеніемъ и односторонностію направленія; если вообще въ нихъ нѣтъ разьясненія требованій отечественнаго, церковнаго права: то и не смотря на это, мы по долгу совѣсти признаемъ за нимъ всѣ права на званіе перваго, отечественнаго изслѣдователя, который не бѣгло и поверхностно, но серъёзно и внимательно взглянулъ и наметилъ самыя основанія вселенскаго, церков-

наго права, затронуль главные вопросы управления Христовой церкви, не оставилъ безъ вниманія и стороны внутренняго ея устройства и дисциплины. И нужно сказать, что постановка вопросовъ этаго права у него не только вѣрна и догматически и канонически, но и удовлетворительна; недостатокъ чувствуется только въ исторической полнотѣ. Остается пожелать, чтобы на возведенной авторомъ, канонической основѣ скорѣе была построена историческая система, по требованію новой методы. Наша всегдашняя признательность автору за тѣ его заслуги, которыми онъ научаетъ насъ—какъ, на основаніи знакомства съ одними правилами церкви, можно рѣшать общіе вопросы права—съ возможною удовлетворительностію и обстоятельностью. Наша признательная и посмертная благодарность автору и за то, что онъ не только протолковалъ намъ смыслъ церковныхъ правилъ,—въ его „Опытѣ“, но и представилъ на основаніи требованій этого смысла самое изображеніе практики церковнаго управления и благоустройства въ его „отдѣльныхъ статьяхъ“. Если на основаніи перваго, при внимательномъ изученіи его содержанія, мы сказали, можно составить дѣльное и удовлетворительное руководство къ познанію права древней, вселенской церкви: то послѣднія въ настоящемъ ихъ видѣ могутъ служить готовымъ, хорошимъ пособіемъ для преподавателей практическаго руководства въ духовныхъ семинаріяхъ.

Нашъ долгъ также замѣтить, что какъ „Опытъ“ автора такъ и „отдѣльныя статьи“ его пера успѣли произвести свое дѣйственное вліяніе на лицъ, занимавшихся родственными имъ предметами. Мы не ошибемся, если скажемъ, что опыты занятій по каноническимъ вопросамъ, выпедшіе въ послѣдніе годы, своимъ содержаніемъ и

самымъ направлениемъ изложенія, живо напоминаютъ собою и стоятъ въ самой родственной связи съ разбираемыми нами трудами. Мы намекаемъ на сочиненіе: „Древность и важность апостольскихъ правилъ“, и книгу: „Практическое“ изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій.“ Первое, если исключить въ немъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ касательно мифіи иностранной критики о данномъ предметѣ, взятыхъ, по всей вѣроятности, изъ сочиненія Дреля (1), составлено при руководствѣ и на основаніи матеріала, найденнаго въ опытѣ курса церковнаго законовѣденія; авторъ сумѣлъ вчитаться въ означенный трудъ. Послѣдняя книга также вѣдетъ какъ будто духомъ статей того же автора о таинствахъ церкви, помѣщенныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ (2).

Но и безъ отношенія къ этимъ заимствованіямъ мы свободно называемъ нашего автора по праву принадлежащимъ ему именемъ „достойнаго изслѣдователя вопросовъ науки православнаго церковнаго законовѣденія на строго каноническихъ началахъ“. Къ присвоенному ему званію „докторъ богословія“, принимая во вниманіе искусство его трудовъ, мы вынуждаемся смѣло присвоить ему надгробный титулъ „первостатейнаго законоискусника и канониста православной церкви“. Высказывая подобныя похвалы покойному уже автору, мы только исполнили нравственный долгъ, которымъ бываетъ обязанъ ученикъ къ его наставнику, а вовсе не думаемъ казаться судьями давно уже авторизованнаго писателя. Мы дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе и непри-

(1) Neue Untersuchungen über die Constitutionen und Kanones der Apostel. Tübingen, 1832 г.

(2) Эти статьи были помѣщены въ 1859.

нужденіе, что сами, въ теченіе немногихъ лѣтъ, уже успѣли нажать полное сознаніе въ трудности розысканій той же науки и вѣлжное убѣжденіе въ ея необъятности.

Еще одно слово, но уже собственно въ похвалу дарованій автора. Когда хотятъ именно опредѣлить достоинства и качества ума и дарованій замѣчательнаго, образованнаго лица; то между прочимъ говорятъ: онъ одаренъ „увлекающимъ самобытнымъ умомъ“, у него „творческое дарованіе“, онъ обладаетъ „художественнымъ талантомъ“. Эти же самыя свойства, сполна и цѣликомъ, намъ хотѣлось бы присвоить и почившему труженику науки. Да, онъ обладалъ „увлекающимъ и самобытнымъ умомъ“, который былъ въ состояніи усмотрѣть новыя и занимательныя стороны, повидимому, въ простомъ и обыкновенномъ предметѣ, и, усмотрѣвъ, раскрыть ихъ съ особенною силою и неумолимою послѣдовательностію мысли; мы непосредственно убѣждаемся въ этомъ, проникая въ философскую глубину и богословскую широту его просвѣщеннаго взгляда. У него была и сила „творческаго дарованія“, которое не поникало предъ новыми вопросами, но обнимало и формулировало ихъ, которое въ развитіи этихъ вопросовъ могло идти впереди общаго уровня и своимъ отсвѣтомъ бросать просвѣтительныя лучи на массу темнаго и непонятнаго матеріала. Онъ не лишенъ былъ и „художественнаго таланта“, который, изъ одного вѣрно и удачно понятаго факта, какъ бы тайнымъ чутьемъ предугадывалъ и предузнавалъ всѣ другія, имѣющія съ нимъ ту или другую связь, который на основаніи одного случайно подвернувшася намека былъ способенъ воспроизвести полный рядъ другихъ, послѣдовательно идущихъ

щихъ другъ за другомъ мыслей. Словомъ, авторъ названныхъ нами произведеній обладалъ всѣми свойствами ума глубокаго и широкаго, богатаго и неистощимаго, сильнаго и свѣтлаго. Стоитъ только взять одни проповѣдническіе его опыты, чтобы на самомъ дѣлѣ убѣдиться въ сказанномъ нами сей-часъ. Эти опыты остроумны по матеріямъ, роскошны по мыслямъ, сильны по убѣдительности, замѣчательны по образцамъ простой, бойкой и смѣлой рѣчи.

Какъ было бы хорошо, если-бы чаще среди насъ появлялись подобныя дарованія!

Т. Барсовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки